

ТОМСКОЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В 1930-е гг.: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Рассматриваются проблемы взаимоотношений представителей научно-педагогической интеллигенции и советской власти в период 1930-х гг. На примере томского научно-педагогического сообщества анализируется процесс адаптации интеллектуальной прослойки общества к менявшимся политическим и социально-экономическим условиям. На основе судеб ряда персоналий (в первую очередь представителей физической науки) реконструируются различные модели выстраивания отношений и взаимодействия с Советским государством и его практикой в сфере науки и высшего образования.

Ключевые слова: советская наука; высшее образование; интеллигенция; Советское государство; Томск.

Говоря о 1930-х гг. как о критически переломном этапе в истории советской науки, как правило, имеют в виду вытеснение старой профессуры, репрессии против крупных ученых, рождение в горнилах идеологических кампаний целого ряда новых советских квазинаучных направлений и т.п. Мы же считаем, что предпочтительнее рассмотреть протекавшие тогда политические процессы, облаченные в наукообразную форму, сквозь призму специфического локального социума, представленного в нашем случае томским научным сообществом.

В качестве основного примера мы решили взять представителей томской физической науки. Причины этого вполне очевидны. Физическое знание в бурно развивающемся Советском государстве получало приоритетную поддержку со стороны власти. С другой стороны, физика и физики постоянно испытывали определенное давление сверху, мощност и направление которого варьировались время от времени. Естественно, каждый сколько-нибудь ценный и талантливый физический кадр не мог не чувствовать поддержки и надежд, которые на него возлагались, равно как и своей ответственности за это. Кроме того, необходимо помнить и характерное для большинства физиков рубежа 1920–1930-х гг. относительно лояльное отношение к социализму (во всяком случае, к самой его идее, если не к практике), которое очень скоро будет предельно жестко испытано на прочность. Наконец, есть еще один немаловажный нюанс, характерный, впрочем, и для других наук: от исхода той или иной идеологической кампании зачастую напрямую зависела дальнейшая судьба не только отдельных ученых-физиков, но и целых направлений тогдашней физики. Эти очевидные лишь спустя десятилетия «долгоиграющие» последствия придают тем событиям в наших глазах особенный драматизм.

Сразу же стоит отметить, что принципиально новой чертой в отношениях в научно-педагогической среде в 1930-е гг. стало то обстоятельство, что к прессингу по отношению к неугодным персоналиям, наряду с властями, подключались и их коллеги. Вот как, например, характеризовались политические настроения профессоров и преподавателей в 1930 г. в докладе университетского коммуниста Климова «Об идеологической борьбе в ВУЗе» 4 марта 1930 г. «Мы имеем часть профессуры, – утверждал он, – явно стоящей на реакционной ниве и вербующей к себе других. Другая часть – это, как говорится, “кто больше дает, за тем и идут”. Третья часть, это идущие с нами рука об руку, а также незначительная часть наших коммунистов. Но их, к

сожалению, еще очень мало. Нашему студенчеству, – делал он вывод, – нужно изучать весь материал, преподносимый профессурой, и брать из него только нужный материал, а всю реакцию выбрасывать» [1. Л. 22].

Идеологические кампании в Томске начались с середины 1930-х гг. Одна из наиболее крупных – кампания 1933–1934 гг. – была связана с чисткой партийной организации Томского университета. В апреле 1933 г. приказом заместителя директора ТГУ профессора В.В. Ревердатто «в целях более глубокого изучения работы кафедр и в связи с проводившимся в университете конкурсом на лучшую кафедру» был назначен «общественный смотр» кафедры теоретической физики физико-математического факультета и лаборатории электронных явлений Сибирского физико-технического института (СФТИ), возглавлявшихся профессором П.С. Тартаковским¹. Для этого была создана специальная комиссия.

В октябре 1933 г. после завершения работы комиссии профессор П.С. Тартаковский в приказе ректора ТГУ А.Л. Щепотьева был обвинен в «...создании особо благоприятных условий и всяческой поддержке в научной работе чуждых советской обществу личности лицам... препятствии комплектованию СФТИ партийно-комсомольскими кадрами... пропаганде антиматериалистических положений под флагом изложения материалистических принципов современной науки... изоляции института от социалистического строительства вопреки директивам партии и правительства» и т.п. Затем последовали оргвыводы. «Принимая во внимание, что за его деятельность... он должен был быть снят с работы, – говорилось в приказе А.Л. Щепотьева, – но учитывая научные заслуги профессора Тартаковского и заявление, сделанное им о правильности предъявляемых обвинений, считаю возможным сохранить за П.С. Тартаковским должности профессора ТГУ и заведующего кафедрой и лабораторией с условием решительного перестраивания всей работы кафедры...» [2. Л. 101, 235].

Однако на этом дело не закончилось. По характерной для того времени инерции оно продолжилось на более низком уровне – уже внутри самого СФТИ. Инициатором «отпора походу воинствующих философов против марксизма» [3] стал директор института В.Н. Кессених² (уже после войны, работая в Москве, он отличился тем же самым в МГУ). Главными обвиняемыми предстали, разумеется, профессора П.С. Тартаковский и М.И. Корсунский³. Им вменялись исповедание метафизических воззрений, отрицание марксистско-ленинской диалектики (в частности, несогласие с

ленинским тезисом о кризисе в физике) и, традиционно, контрреволюционные настроения. Однако кампания 1933–1934 гг. не приобрела широкого размаха. После публичного покаяния «провинившихся» оставили в покое.

Продолжение последовало в сентябре 1936 г. и было связано с прогремевшим на всю страну «делом Лузины»⁴. 28 сентября 1936 г. на собрании научных работников Томского университета и Томского индустриального института были предъявлены обвинения в антипатриотизме и «раболепстве перед Западом» целой группе профессоров Томского университета и Томского индустриального института: физикам Д.Д. Иваненко⁵ и П.С. Тартаковскому, двум немецким математикам-иммигрантам Стефану Бергману и Фрицу Неттеру, Н.П. Романову, химикам Б.В. Тронову, И.И. Котюкову, И.И. Пономареву [4. С. 203–220].

Давая всем им характеристику, ассистент одного из томских вузов К. Гречищев заявил: «Эта группа является группой томских Лузиных, людей, которые... на брюхе поползли к фашизму. Невозможно стало жить в советской стране, ученому совершенно нет никакой возможности печатать, вот в таком состоянии находится советская наука – вот что вы хотите показать, отправляя свои работы для печати за границу» [Там же].

Стоит подробнее остановиться на Д.Д. Иваненко и П.С. Тартаковском (как на наиболее крупных фигурах). Антилузинская кампания в «Правде» и других центральных газетах нашла отражение в томском «Красном знамени». Уже 15 сентября 1936 г. в газете «Красное знамя» вышла статья четырех научных сотрудников СФТИ с характерным заголовком «Беспощадно разоблачать и осуждать конкретных носителей раболепия перед буржуазной наукой», где в грубой форме порицался стиль научной работы научного коллектива под руководством профессора П.С. Тартаковского. Им ставилась в вину публикация работ за границей, особенно в национал-социалистической Германии. Через два дня в «Красном знамени» появилась статья другой группы сотрудников СФТИ, осуждающая позицию профессора Д.Д. Иваненко, который открыто заявлял о негативных последствиях для советской науки ограничения контактов с зарубежными коллегами [5].

Вышло так, что именно П.С. Тартаковский и Д.Д. Иваненко как одни из самых крупных местных физиков-теоретиков попали под удар антилузинской кампании. Разрабатывая фундаментальные проблемы физики, они добились к тому времени определенных успехов, и публикация за границей была поэтому вполне естественна, к тому же сама специфика теоретической физики в то время была такова, что автономные исследования в ней, изолированные от опыта и достижений иностранных коллег, были малопродуктивны [4. С. 203–220].

И здесь на арену выходит еще один из лидеров местного научного сообщества – профессор В.Д. Кузнецов, проявивший решительность директора и смелость ученого, отстояв своих сотрудников, спасая тем самым их от вполне вероятного ареста. Показательна его речь на четвертом заседании, посвященном обсуждению вопросов «лузинщины», где он так тактично смещает акцент с наказания на перевоспитание «на брюхе ползущих к

фашизму» научных работников: «Мне кажется, что большинство прений идет не по правильному пути. Мне кажется, что красной нитью во всех наших выступлениях по осуждению лузинщины должно быть то, для чего мы работаем. ...Так, нужно сделать так, чтобы этого крупного специалиста [П.С. Тартаковского] перевоспитать, убедить в том, что он неправильно идет, направить его по правильному пути. Вот задача, которая стоит передо мной» [6. Л. 29–30]. «Генетическая» неприязнь практика к теоретикам не помешала В.Д. Кузнецову выступить за талантливых и перспективных научных работников, пусть даже интересы их почти не пересекались. Впрочем, оба ученых (П.С. Тартаковский и Д.Д. Иваненко) вскоре были вынуждены прекратить свои исследования как «бесперспективные».

Объем публикаций за рубежом поначалу мало был связан с внешне- и внутривосточным положением, объективно отражая тот уровень, на который в 1920–1930-е гг. взлетела советская наука (физика в частности, причем как теоретическая, так и прикладная). Так, самое, быть может, в те годы авторитетное физическое издание, имевшее в то время статус международного – немецкий *Zeitschrift fur Physik* – регулярно публиковало на своих страницах значительное количество работ советских ученых (среди них был и сам В.Д. Кузнецов). Парадоксально, но инспирированный новой советской реальностью общий успех отечественного естественно-научного знания на фоне более чем лояльного отношения научных кадров (прежде всего, физиков) к социалистическому строительству обернулся фетишизацией советской науки в глазах партийного и государственного руководства, в чем-то – в ее собственных глазах. На основе приведенного примера трудно судить о механизме этих процессов; описанный случай, в данном отношении, служит в большей степени индикатором атмосферы того времени.

Явление «лузинщины» сложнее, нежели оно обычно видится, по своим причинам и следствиям. Помимо очевидной (но не всегда первостепенной) политической подоплеки, в ее развитии имели место и сугубо личные факторы и особенности той или иной отрасли знания. Имел свое определенное значение и тот нюанс, что зачастую публикацию за рубежом, в каком-либо иностранном научном издании «путали» с выходом работы внутри страны в переводе на иностранный язык. Относительно таких научных работников, как В.Д. Кузнецов, имевших на момент начала антилузинской кампании весьма внушительный список публикаций на иностранных языках (у Кузнецова они выходили, в основном, на немецком языке) [7. С. 53–54], можно отметить «удобство» характера их работ, ориентированных на немедленное внедрение в промышленное производство, что делало приносимую ими пользу слишком ощутимой для того, чтобы жертвовать ею ради достижения морально-психологического эффекта от оказанного давления.

Немаловажным оказалось и поведение самого директора СФТИ, безусловно находившегося под большим влиянием работавших в институте ленинградцев, но в то же время так до конца и не примкнувшего к их группе во внутренних делах учреждения. Отменное позиционное чутье В.Д. Кузнецова позволило ему миновать серьезных для себя проблем и остаться при этом

внешне абсолютно лояльным и сохранить лицо перед своими коллегами. Закончилась же «лузинщина» для рассматриваемых персоналий тем, чего и следовало ожидать: крупные теоретики калибра Тартаковского и Иваненко либо принудительно меняли сферу своих научных интересов, либо уезжали с насиженных мест. В.Д. Кузнецов же стал «научным националистом». Скорее по форме, чем по содержанию. Фигура В.Д. Кузнецова примечательна как раз тем, что в своей области (физика твердого тела) он практически никак не зависел ни от обмена опытом с иностранными коллегами, ни, тем более, от публикаций за рубежом, которые являлись, по сути дела, лишь демонстрацией достигнутых им успехов.

К середине тридцатых годов относятся дискуссии о соотношении ролей науки и промышленности, наибольший накал получившие после мартовской сессии АН СССР 1936 г. В высших партийных и хозяйственных кругах тогда доминировало представление о том, что наука должна решать прежде всего текущие задачи, стоящие перед промышленностью. Острые их критики в те годы было направлено на ленинградскую школу А.Ф. Иоффе и возглавляемый им Ленинградский физико-технический институт как на заведение, призванное напрямую содействовать индустрии, но увлекшееся теоретическими исследованиями. В контрпример приводился технически эффективный Государственный оптический институт (школа Д.С. Рождественского, знакомого В.Д. Кузнецова по совместной работе в Томске). Академические власти на сессии противопоставили их друг другу. Как следствие, была сделана установка на повышение технической отдачи физики, помимо наведения в ней философского порядка [8. С. 63–84.].

Резонансом волна прошла и по провинциальным научным центрам, дав толчок аналогичным по форме и содержанию действиям. В определенной степени коснулось это и Томска. Создававшийся по образу и подобию Ленинградского физико-технического института СФТИ и его основатель В.Д. Кузнецов в целом руководствовались крылатым тезисом А.Ф. Иоффе: «Физика – научная база социалистической техники». (Стоит все же признать, что и с ним у В.Д. Кузнецова имелись некоторые расхождения относительно этого вопроса, проявившиеся, в частности, при обсуждении положения физиков в Институте металлургии АН СССР: в отличие от А.Ф. Иоффе, В.Д. Кузнецов выступал за все большее проникновение физиков в отраслевые исследовательские центры.) При безусловном признании необходимости тесной увязки физических исследований с интересами промышленности В.Д. Кузнецов все-таки видел физику консультантом техники, а не прямым ее руководителем. В условиях же повышения требований к технической отдаче физической науки такая позиция была весьма уязвимой на фоне утилитаризма конкурентов. СФТИ с его жесткой индустриальной ориентацией ни в коей мере нельзя было уличить в «идеалистическом теоретизировании». Однако В.Д. Кузнецов как физик, получивший классическое университетское образование, не мог не видеть опасности надвигающейся технизации и утилитаризации физики, зажатия ее узкими рамками той или иной задачи, поставленной

промышленностью, никак не заинтересованной в долгосрочных перспективах науки.

Суть убеждений В.Д. Кузнецова состояла в представлении о науке как о живой творческой мысли, дающей технике идейный плацдарм для продвижения вперед. Примечательный факт: в одной из дискуссионных статей он употребляет слово «перестройка» (применительно не только к физике, но и ко всей советской науке в целом), приводя сравнения с западной научной мыслью и предупреждая об опасностях фатального отставания отечественной [9]. При всей своей погруженности в работу, глубоко завязанную на практике и экспериментах, ученый, как видится, не потерял масштабности мышления.

Тем не менее летом 1936 г. в письме в Наркомпрос РСФСР он не преминул указать в сторону П.С. Тартаковского: «В связи с мартовской сессией Академии наук в СФТИ произошел большой сдвиг в направлении приближения к нуждам социалистического строительства, однако отдел общей физики, руководимый профессором П.С. Тартаковским, еще не нашел путей связи с промышленностью» [10. Л. 27]. Очевидно, что В.Д. Кузнецов разделял личные и профессиональные отношения с людьми, однако не мог не принимать при этом во внимание текущей конъюнктуры. Сам же П.С. Тартаковский, отвечая в своем письме к В.Д. Кузнецову на обвинения его в «лузинщине», коснулся и этой темы: «Теоретическая база отрыва от практики, которую я якобы подводил, – выдумки и передергивание. Я рекомендовал использовать наиболее крупных ученых в исследовательских институтах промышленности, с тем чтобы плоды их исследований немедленно были использованы на практике. Где же тут “отрыв”? Наоборот, полный синтез теории с практикой» [11. Л. 3 об.]. И здесь, конечно, П.С. Тартаковский был прав: никакого фатального разрыва теоретической и прикладной физики тогда не было в принципе – просто фундаментальная наука в первой половине двадцатого столетия сделала такой рывок, что претворение в жизнь всех ее разработок по вполне объективным причинам не могло быть обеспечено уровнем развития технологий. Тем не менее в 1937 г. П.С. Тартаковскому пришлось покинуть Томск (не в последнюю очередь благодаря «сомнительному» прошлому – на родине, в Киеве, он был в 1923 г. арестован по подозрению в антисоветской деятельности и причастности к антисоветской организации «Центр действия») [12. С. 414].

Кампания против «сдерживания роста творческих сил молодежи и срыва научных работ врагами народа» затронула непосредственно В.Д. Кузнецова [13. Л. 27]. Ему и уже бывшему директору В.Н. Кессениху предъявили обвинения во вредительстве: «Линия на отрыв производственной тематики института от задач и запросов промышленных предприятий вредна и преступна. Это есть продолжение линии на развал института, долгое время проводившейся там врагами народа... Пора поставить вопрос перед Наркомпросом о возможности дальнейшего пребывания в руководстве института Кузнецова и Кессениха» [Там же]. Недаром впоследствии В.Д. Кузнецов вспоминал о 1938 г. как о худшем времени своей жизни [14. С. 216]. Кампания даром не прошла – оставить СФТИ, а затем и уехать из

Томска пришлось все-таки Д.Д. Иваненко. Из Сибирских Афин он увез свои наработки в области физики атомного ядра.

Объективность требует того, чтобы признать за В.Д. Кузнецовым использование фразеологии того времени. Все в том же 1938 г. в очередном письме в Наркомпрос РСФСР по поводу скандальной статьи «Порочные методы работы» в газете «Большевицкая смена», в которой имелись нападки на коллектив института, он, перенаправляя шквал обвинений и подозрений на самих нападающих, сам начинает говорить о «врагах народа» [10. Л. 39]. Типичный пример того, как абсолютно рабочие, рядовые конфликты в ходе работы того или иного учреждения сразу же облекались в политическую форму, становясь действенным оружием в руках оппонентов.

Можно предположить, что причины того, что лично ученый во второй половине 1930-х гг. практически никак не пострадал, и даже более того – смог полностью сохранить возможность заниматься своим делом, кроются в характере, складе самого В.Д. Кузнецова. С одной стороны, он был настоящим ученым – относительно аполитичным человеком, полностью погруженным в науку, составляющую для него образ и смысл жизни, которого вообще трудно впутать в какие-либо служебные интриги с идеологической подоплекой. С другой стороны, В.Д. Кузнецов был достаточно гибок и мог пойти на некоторые уступки, которые сам не считал принципиальными, ценя достигнутые успехи и трезво отдавая себе отчет в том, что вряд ли они были бы возможны без сотрудничества с существовавшим режимом. Позиционируя себя как убежденный сторонник коммунизма, В.Д. Кузнецов был, надо полагать, в известной мере благодарен советской власти за все те возможности и условия, что она предоставила ему, равно как и всей физике в целом.

В этом плане замечательны его письма и публикации в газетах, где он, отвечая на обвинения в контрреволюционности и чуждости советскому образу жизни, с нарочитой наивностью высказывал убежденность в том, что все дело в невежестве и некомпетентности людей, которые сами не понимают, в чем состоят принципы советской власти, но берутся судить об этом и учить других.

Сейчас трудно судить о степени конформизма в среде старых преподавательских кадров, что продолжили работать и при советской власти, – уместнее будет говорить о мере их востребованности. Лояльность

же самого В.Д. Кузнецова вполне наглядно иллюстрируют следующие строки из письма к нему одного из младших научных сотрудников – М.Я. Соляника: «Разве я могу забыть теплый августовский вечер 1930 года, когда Вы четко и прямо сформулировали: “Что, если и придут когда-либо белые, висеть нам с вами, Михаил Яковлевич, на одном столбе”. Этот Ваш благородный шаг – шаг безоговорочного перехода на сторону социализма в решающий момент классовой борьбы в науке...» [15. Л. 26]. Опуская экзальтированность автора письма, стоит отметить не опасения, конечно, В.Д. Кузнецова за свою жизнь после «прихода белых», а его самоидентификацию себя частью сложившейся социальной системы.

Несмотря на то что сведения о публичных недружелюбных высказываниях профессоров и преподавателей, в частности Томского университета, в адрес Советского государства и правящей партии в 1930-е гг. не встречаются, скорее всего, можно говорить лишь о деловом сотрудничестве между властью и учеными. Их идейное сближение заняло значительно большее время, если оно произошло вообще. Однако объективная тенденция к внешнему примирению все же имела место.

Значение 1930-х гг. для научно-педагогического сообщества как раз и состояло в том, что период неопределенности в отношениях с Советским государством («войны» для одних и взаимного притирания для других) окончился. Наступила пора решающего (само) определения: возможно ли встраивание в стремительно трансформирующуюся общественную систему, и если возможно, то в каком качестве? Во многом это говорит в пользу трактовки структуры советского социума как сословной (при этом необходимо отметить, что массовые репрессии второй половины 30-х гг. затронули научно-педагогическое сообщество в той же степени, что и остальные слои населения). К концу четвертого десятилетия XX в. одна часть научных кадров была окончательно выключена из профессиональной либо вообще из физической жизни, другая обрела не только возможность всецело предаться избранной деятельности, но и нечто большее – социальный субстрат. Пример же В.Д. Кузнецова являет собою редкий по своей символичности случай: институционализация советской науки шла параллельным курсом с процессом «институционализации» его как ученого – своеобразным социальным субстратом стал для него СФТИ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П.С. Тартаковский (1895–1940) был выпускником математического отделения физико-математического факультета Университета Св. Владимира в Киеве. С 1920 по 1924 г. состоял ассистентом при кафедре физики. Осенью 1924 г. переехал в Ленинград, где начал работать в лаборатории академика А.Ф. Иоффе при Государственном физико-техническом институте сверхштатным ассистентом. С 1925 по 1926 г. являлся старшим адъюнктом отделения экспериментальной геофизики Главной геофизической обсерватории у бывшего директора Института прикладной физики профессора Б.П. Вейнберга. Одним из первых в стране взялся за серьезную систематическую разработку проблем квантовой теории, представив уже в 1924 г. на IV съезде русских физиков в Ленинграде доклад, посвященный этой тематике. С осени 1929 г. – профессор, заведующий кафедрой теоретической физики Томского университета, в 1930–1932 гг. – заместитель директора СФТИ. 17 апреля 1935 г. П.С. Тартаковский был утвержден в ученой степени доктора физико-математических наук без защиты диссертации. Среди его учеников были профессор В.М. Кудрявцева и Н.П. Калабухов (Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2 (1917–1945). С. 414).

² В.Н. Кессених (1903–1970) был приглашен для работы в институте в 1930 г. (где и проработал в течение последующих одиннадцати лет). Выпускник Ростовского университета, он до этого там же и преподавал, будучи одновременно аспирантом (заочно) на кафедре физики МГУ. За годы работы в Томске Кессених успел побывать директором СФТИ, проректором ТГУ, создать серьезные работоспособные научно-технические школы по электромагнитной дефектоскопии (совместно с А.Б. Сапожниковым) и радиозондированию ионизированных слоев атмосферы (совместно с Г. Бэрвальдом). В 1941 г. добровольцем ушел на фронт, после войны остался в Москве. В Томск вернулся в 1953 г. За

годы пребывания в столице сделал неплохую карьеру в МГУ (некоторое время исполнял должность декана физического факультета). После возвращения в Томск продолжил прерванную войной научную и организационную работу в Томском университете, возглавив его радиофизический факультет (Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2 (1917–1945). С. 191–192).

³ М.И. Корсунский (1903–1976) приехал в Томск молодым выпускником Ленинградского политехнического института, но уже известным специалистом в области физики твердого тела, атомной и ядерной физики. Однако здесь он пробыл совсем недолго, уехав в 1934 г., когда стало ясно, что ядерная физика и изучение квантовых эффектов в твердых телах не стали в Томском университете и СФТИ приоритетными направлениями. Впоследствии работал в Ленинграде, Харькове и Алма-Ате.

⁴ «Дело Лузина» – политическая кампания (1936), направленная против Н.Н. Лузина (1883–1950), математика, академика АН СССР. Причиной явилось продолжение «классовой борьбы в науке». Н.Н. Лузин, в частности, обвинялся в стремлении публиковать все свои лучшие работы в зарубежной печати. Публичная критика Н.Н. Лузина (борьба с «лузинщиной») прошла по региональным научным центрам, затронув многих крупных ученых того времени. В результате практически все зарубежные контакты советских ученых были взяты под партийно-государственный контроль.

⁵ Д.Д. Иваненко (1904–1991) был профессором Ленинградского физико-технического института. Один из виднейших физиков-теоретиков своего времени, занимался проблемами строения атомного ядра. В 1935 г. он арестован по делу С.М. Кирова и постановлением ОС НКВД от 4 марта того же года бы осужден как социально опасный элемент на 3 года и выслан из Ленинграда в Карагандинский лагерь (Карлаг). Новым постановлением ОСО от 1931 г. Иваненко был направлен в ссылку в Томск. В СФТИ работал с 1 марта 1936 г. по 1 февраля 1939 г., совмещая при этом работу на кафедре теоретической физики ТГУ, заведовал которой П.С. Тартаковский (после отъезда последнего он сменил его на должности заведующего). Научная работа Д.Д. Иваненко в Томске была весьма продуктивна. В СФТИ он продолжил начатые ранее исследования, наряду с этим разрабатывал проблему квантовой электродинамики (и ее различные применения, вплоть до теории космических лучей). В сферу научных интересов входило построение нейтринной теории света, которое велось как в направлении разработки методов квантовой электродинамики, так и в описании основных уравнений релятивистской квантовой механики и их применении к атомным ядрам и космическим лучам (Майер Г.В., Фоминых С.Ф. Д.Д. Иваненко в Томске (1936–1939 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 71–76).

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 17.
2. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1773.
3. *Красное знамя*. 1933. 2 авг.
4. *Кликушин М.В., Красильников С.А.* Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: «Лузинщина» в Сибири // *Советская история: проблемы и уроки*. Новосибирск, 1992. С. 198–220.
5. *Красное знамя*. 1936. 17 сент.
6. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 578.
7. *Кузнецов В.Д.* Материалы к библиографии ученых ТГУ. Томск, 1972. 62 с.
8. *Визгин В.П.* Мартовская (1936 г.) сессия АН СССР: советская физика в фокусе // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1990. № 1. С. 63–84.
9. *Красное знамя*. 1936. 9 апр.
10. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 700.
11. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 727.
12. *Профессора* Томского университета. Томск, 1998. Т. 2. 544 с.
13. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 882.
14. *Машинописная рукопись* воспоминаний В.Д. Кузнецова «Мой путь в науке» // *Архив Музея истории ТГУ*.
15. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 724.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2012 г.